

—

Хо Шу с простым багажом вошел в комнату в доме семьи Чжао, расположенную у забора. Это была бывшая комната Чжао Чансуя.

Комната была небольшой, очень скромно обставленной. На столе лежали разные книги, которые Чжао Чансуй читал семь-восемь лет назад, среди них был сборник странных рассказов.

Хо Шу положил багаж на стол и пролистал пару страниц. В книге было мало текста и много иллюстраций, что действительно подходило для человека, который всего два года ходил в деревенскую школу.

Хотя в комнате несколько лет никто не жил, она была очень чисто убрана, на столе и стульях не было пыли, и в комнате не пахло плесенью. Видимо, ее регулярно убирали.

Хо Шу отложил книгу, достал из багажа длинную серебряную шпильку и сказал сам себе:

«Теперь я выполнил половину твоей просьбы. А что делать с другой половиной?»

В полдень Хо Шу и мать Чжао обедали в гостиной.

Хотя мать Чжао хотела хорошо угостить Хо Шу, к сожалению, в последние годы они жили бедно, и дома не было запасов вина и мяса.

Времени, чтобы купить все это, не было, поэтому пришлось пойти к соседям и купить рыбу, заколоть домашнюю несущку, приготовить тушеную рыбу и куриный суп, а также несколько сезонных овощных блюд. Это уже было богато, как на Новый год или другой праздник.

Хо Шу не привередничал, ел все подряд.

Мать Чжао, напротив, почти не притронулась к еде. Глядя на Хо Шу, который ел, она с радостью сказала: «После полудня я, тетя, пойду за хорошим вином. Вечером, когда солнце зайдет, будет прохладно, посидеть во дворе с вином будет приятно».

«Не стоит беспокоиться, ехать в город нелегко».

«Не беспокойся, в деревне есть те, кто занимается виноделием и продает его, не нужно ехать в город».

Хо Шу ответил: «Тетя, вы знаете, кто был возлюбленной Чансуя?»

Мать Чжао остановила палочки. Сначала она не поняла, что имеет в виду Хо Шу:
«Возлюбленная?»

Затем она рассмеялась: «Чансуй был еще молод, когда его призвали на службу, он даже не был помолвлен, у него не было никакой возлюбленной, о которой ты говоришь. Он тогда ничего не понимал, и был самым усердным в работе».

Брови Хо Шу слегка дрогнули, этот парень был довольно нечестным.

«В чем дело, Чансуй тебе говорил, что у него есть возлюбленная?»

Хо Шу посмотрел на опухшие глаза матери Чжао. Прошло десять лет, и неизвестно, что стало с возлюбленной Чансуя. Говорить об этом, возможно, только снова причинит боль.

Он не сказал ни да, ни нет, сменил тему: «Я еще поем риса».

«Ах, хорошо, хорошо, тетя тебе добавит, риса сварили много, ешь сколько хочешь. Ты такой большой, надо съесть несколько мисок».

После обеда мать Чжао приготовила благовония, свечи и ритуальные деньги, чтобы навестить могилу отца Чжао Чансуя. Теперь, когда о Чжао Чансуне наконец стало известно, следовало сообщить и его отцу в загробном мире.

Хо Шу тоже пошел с ней, чтобы зажечь благовония.

—

«Тао гер, лук вырываешь? Так рано готовишь ужин?»

Когда солнце стало менее ярким, Цзи Таоюй, поспав днем, взял корзину и отправился на свое поле.

Сегодня дедушка приехал в деревню за лекарственными травами, и он хотел пораньше приготовить ужин, чтобы Хуан Иньшэн смог поесть вечером перед возвращением в город.

Увидев односельчанку, госпожу Сунь из семьи Юй, идущую по земляной насыпи, Таоюй положил овощи в корзину, встал и позвал ее, но голос его был немного холоднее обычного.

«Госпожа Сунь».

Женщина ничего не заметила, продолжая говорить: «Я слышала, что доктор Хуан сегодня приехал в деревню. Я тут обнаружила, что у меня дома закончилось лекарство, и мне пришлось скрепя сердце беспокоить вас, чтобы вы снова выписали мне две дозы лекарства по прежнему рецепту».

Сказав это, женщина достала деньги из кошелька, чтобы отдать их Цзи Таоюю.

Многие в деревне знали, что Цзи Таоюй немного разбирается в медицине, и когда у них не было времени поехать в город, и лекарство не требовалось срочно, они просили Таоюя помочь им и привезти лекарство из медицинской лавки Хуан Иньшэна, когда он поедет в город.

Такая помощь с покупками была обычным делом, но жители деревни просили Цзи Таоюя покупать лекарства не только потому, что он знал медицину, но и потому, что он был внуком Хуан Иньшэна, и цена лекарств, купленных через него, всегда была значительно ниже для односельчан.

Геры и женщины из деревни тем более любили обращаться к нему.

Цзи Таоюй тоже молчаливо понимал это и всегда так делал.

Однако на этот раз, не дожидаясь, пока женщина достанет деньги, он сказал: «За две дозы лекарства, госпожа Сунь, дайте мне двести шестьдесят вэнь».

Женщина, услышав это, остановила руку: «Лекарства подорожали?»

В прошлый раз одна доза стоила всего сто вэнь, а две – всего двести вэнь. Откуда взялось лишних шестьдесят вэнь?

«Цена всегда была такой, если госпожа Сунь купит лекарства в другой медицинской лавке, цена будет только выше».

Госпожа Сунь поспешно сказала: «Тао гер, что случилось?»

Цзи Таоюй сказал: «Раньше я брал рецепты у односельчан и ходил в медицинскую лавку за лекарствами. Помня, что мы из одной деревни, я никогда не пытался заработать на односельчанах. Цена на лекарства всегда была самой низкой, ниже рыночной, считая это деревенской дружбой».

«Да-да-да, все жители деревни знают, конечно, все благодарны семье старосты».

Каждый год на праздники односельчане, которые забивали свиней или баранов, обязательно посылали кусок мяса в дом семьи Цзи.

Цзи Таоюй холодно сказал: «Я делаю это не для того, чтобы вы были благодарны, я только прошу, чтобы все жили в деревне в мире и дружбе, и этого достаточно. Но есть люди, которые не помнят о деревенской дружбе. Раз так, почему я должен так сильно стараться им угодить?»

Даже самая глупая женщина поняла бы, что эти слова сказаны в ее адрес. Госпожа Сунь воскликнула: «Тао гер, что это значит?»

«Госпожа Сунь всегда была добродушным человеком, и, судя по всему, вы еще не знаете всей сути дела. Раз так, почему бы вам не вернуться и тщательно не спросить Ся гера, как он поступил с односельчанином?»

Цзи Таоюй медленно напомнил: «Надеюсь, госпожа Сунь сможет добиться правды. Если это просто искажение фактов, то лучше и не слушать».

«Я еще не сказал своим родителям, чтобы не беспокоить их. Если госпожа Сунь сможет уговорить Ся гера прийти и дать достойное объяснение, тогда все будет хорошо. Если он будет упрямым, то я, такой больной и бесполезный человек, смогу только полагаться на родителей, чтобы они добились справедливости. Мы из одной деревни, рано или поздно возможность найдется».

Госпожа Сунь, хотя и не поняла, что именно так сильно рассердило Цзи Таоюя, но из его слов было ясно, что это как-то связано с ее сыном. Она предположила, что два гера поссорились, но слова Цзи Таоюя заставили ее сердце сжаться от страха.

Цзи Таоюй всегда был мягким и сговорчивым, и она впервые видела его таким холодным. У нее возникло смутное ощущение, что ее сын совершил что-то серьезное.

«Я сейчас же вернусь и спрошу Ся гера. Правильно это или неправильно, я надеюсь, Тао гер не будет слишком переживать и не повредит своему здоровью».

Госпожа Сунь даже не стала покупать лекарства, поспешно развернулась и направилась к своему дому.

Цзи Таоюй, увидев, что она ушла далеко, и убедившись, что она не вернулась, облегченно вздохнул, а затем снова присел, чтобы выдерживать лук.

Гер из семьи Юй причинил ему вред, он чуть не погиб, упав в воду. Неважно, было ли это минутным порывом или у него изначально был злой умысел, если он не понесет никакого наказания, он не сможет успокоиться.

«У тебя довольно острый язык».

Цзи Таоюй как раз думал, что даже если бы он не встретил здесь госпожу Сунь, он все равно

собирался сам пойти к ней и поговорить о справедливости.

Но тут сзади внезапно раздался голос, так напугавший его, что он чуть не упал на колени в грязь.

Если бы жители деревни услышали только что сказанные слова, кто знает, сколько бы сплетен и неприятностей это вызвало.

Он медленно повернулся и увидел лицо, которое внушало трепет без гнева. Сейчас он стоял, скрестив руки, на возвышении и смотрел на него: «Только вот столкнувший тебя в воду – ее сын. Ты можешь гарантировать, что родная мать пойдет против своего сына и добьется справедливости для тебя?»

«Я не могу гарантировать, но из этого видно, какова натура этой семьи. Если он придет, извинится и признает вину, то все будет хорошо. Если он откажется, то мне придется беспокоить своих родителей. Мы из одной деревни, рано или поздно возможность найдется».

Хо Шу пристально посмотрел на Цзи Таоюя. Он выглядел немного растерянным и довольно неуклюжим, но не был глупым.

«Метод неплохой, но слишком хлопотный. Раз уж ты хочешь выпустить пар, я могу помочь тебе. Где его дом?»

Хо Шу сказал: «Как раз мой нож давно не использовался».

Цзи Таоюй, услышав это, побледнел от ужаса: «За убийство посадят в тюрьму!»

«Я сказал, что убью его?»

Цзи Таоюй на мгновение застыл, а затем услышал, как Хо Шу равнодушно сказал: «Можно просто отрубить руки».

«Какая... какая разница!»

Цзи Таоюй, видя, что Хо Шу не отвечает, почувствовал, что он действительно способен на такое, и напряженно сказал: «В деревне спокойно, нельзя... нельзя применять оружие».

Хо Шу, видя, что лицо гера побледнело, немного злорадно подумал, не заплачет ли он опять, но явно ошибся.

«Если вы это сделаете, я... я сообщу властям».

Маленькая белокочанная капуста еще осмеливается угрожать ему, Хо Шу поднял бровь, как интересно.

«Хорошо, если ты не хочешь, то не надо».

Цзи Таоюй облегченно вздохнул и не удержался, тихо сказал:

«Не знал, что у храброго человека есть привычка подслушивать».

«Средь бела дня у меня нет привычки закрывать уши».

Цзи Таоюй, осознав свою неправоту, понизил голос: «Вы... вы ведь не расскажете об этом?»

Хо Шу сказал: «Зависит от ситуации».

Цзи Таоюй не мог понять, что означают эти двусмысленные слова, но он подумал, что такой человек, как Хо Шу, вряд ли любит сплетничать. Эта мысль немного успокоила его.

«Почему храбрый человек здесь?»

«Зажечь благовония».

«На могиле дяди Чжао?»

Цзи Таоюй помнил, что односельчанин из семьи Чжао, который был прикован к постели, умер два года назад и похоронен здесь. Он даже ходил на поминальный обед в дом Чжао.

«Да».

«Вы один пришли?»

«Тетя меня привела».

Цзи Таоюй, услышав это, вздрогнул, несколько раз огляделся, но не увидел никого другого.

«Где госпожа Юань?»

«Забыла огниво, пошла за ним».

«...»

Цзи Таоюй, одновременно облегченно вздохнув, поджал губы. Этот человек отвечает только на вопросы, совсем не хочет говорить лишнее.

Если бы он не был его спасителем, он бы даже не стал с ним разговаривать.

«Тогда... тогда вы со всем разобрались?»

«Нет».

Цзи Таоюй почувствовал, что ему действительно трудно говорить. Если он не задаст пару вопросов сам, это будет выглядеть как неблагодарность, а если спросит слишком много, то может вторгнуться в личную жизнь.

В конце концов, он просто сказал: «Ну, героический человек, можете остаться в деревне и не торопиться с делами».

Сказав это, он продолжил выдергивать лук.

Хо Шу смотрел на человека, присевшего на землю, похожего на безвредный завернутый кочан капусты.

Он медленно сказал: «С односельчанами говоришь так бойко, а со мной запинаешься. Я что, какой-то потоп или чудовище?»

Цзи Таоюй прикусил нижнюю губу. Является ли он потопом или чудовищем, он сам не знает, то хочет убить, то хочет отрубить руки, кто тут не испугается?

Он молча выдергивал зеленый лук, не отвечая.

Хо Шу, видя, что гер не отвечает на его подтрунивание, снова серьезно сказал: «Я ищу человека, но не знаю его имени и где он живет».

Цзи Таоюй, услышав это, остановил свои движения и снова поднял голову, чтобы посмотреть на Хо Шу: «Тогда как вы его найдете? Если так, зачем его искать?»

«Передать этому человеку одну вещь».

«Значит, у вас есть что-то, что нужно передать».

Видя, что Хо Шу кивнул, Цзи Таоюй подумал, что у него не тот характер, чтобы болтать без дела. Поскольку он так без повода заговорил об этом, он, видимо, что-то хотел: «Храбрый человек хочет, чтобы я помог ему найти?»

Хо Шу ничего не подтвердил и не опроверг, немного помолчал.

«Если можешь».

Глаза Цзи Таоюя, услышав это, неверяще расширились.

Увидев это, он тихо сказал: «Тогда вы не расскажете о том, что произошло сегодня, и я помогу вам найти».

Хо Шу посмотрел на лицо гера, пытающегося поторговаться, и поднял бровь: «Я спас тебя, ты поможешь мне найти человека, мы ничего не должны друг другу».

«Сохранение мной твоей тайны, это отдельный разговор».

Брови Цзи Таоюя сдвинулись. Разве этот человек не делал вид, что оказывает благодеяние без ожидания награды? А теперь вот он, оказывается, тайно все просчитал.

«Тогда... что вы хотите?»

Хо Шу медленно сказал: «Плату за молчание».

Цзи Таоюй немного помолчал, тихо пробормотав: «У вас нет денег? И вам это нужно».

«Я не из богатой семьи, разве нормально, что у меня нет денег?»

Хотя Цзи Таоюй знал, что это невежливо, он невольно тихо пробормотал про себя: выглядит немолодым, а денег так и не накопил. Война закончилась, на что же он теперь будет жить?

Он поджал губы, смущенно сказал: «Но у меня тоже не очень много денег».

Хо Шу слегка приподнял бровь: «Тогда угости меня обедом».

Цзи Таоюй неловко сказал: «Хорошо, когда храброму человеку будет удобно, скажите, я попрошу родителей приготовить вино и еду и угостить вас».

Хо Шу сказал: «Если пригласят твои родители, это будет благодарность за твое спасение. А за

молчание ты должен угостить меня сам».

«Как это можно! Мужчины и геры разные».

Цзи Таоюй тут же отказался. Подняв глаза, он заметил слегка нахмурившееся, ставшее опасным выражение лица Хо Шу. Он поспешно опустил брови и глаза, избегая оценивающего взгляда Хо Шу, похожего на орлиный.

«Тогда... мой рот тоже довольно развязан».

Сказав это, Хо Шу повернулся, чтобы уйти.

Цзи Таоюй, увидев это, поспешно сказал: «Хотя я не могу пригласить храброго человека, но я могу сам приготовить немного еды и положить ее в коробку, чтобы передать храброму человеку. Можно?»

Хо Шу не обернулся, но остановился: «Как у тебя с готовкой?»

«Нормально».

«Тогда тоже пойдет».

Цзи Таоюй вздохнул, затем захотел спросить Хо Шу, есть ли какие-то зацепки о человеке, которого он ищет, но тут мать Чжао подошла с огнивом, и он снова замолчал.

«Тао гер, овощи собираешь?»

Цзи Таоюй с улыбкой кивнул: «Дедушка приехал в деревню за лекарственными травами, я хочу, чтобы он поужинал перед возвращением».

«Тао гер, у тебя такое сыновнее сердце».

Цзи Таоюй и мать Чжао обменялись парой слов.

Снова повернувшись, он уже не увидел Хо Шу. Казалось, его здесь и не было.

—